

Ромми Рей

Цыганка без корней

Можно забыть имя,
но не можно забыть кровь.

Ромми Рей

**Цыганка без корней.
Можно забыть имя,
но не можно забыть кровь**

«Издательские решения»

Рей Р.

Цыганка без корней. Можно забыть имя, но не можно забыть кровь
/ Р. Рей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691466-7

Старуха Злата видит во сне гибель табора и рождение девочки, которая изменит всё. Её пророчество сбывается в одну кровавую ночь. Девочку Зару спасают от резни и отдают в чужие руки, назвав Машей. Но её прошлое не отпускает: дар предвидения, как печать, метит её с рождения. Чужая кровь в русской деревне, страх приёмных родителей, шёпот соседей за спиной — всё это лишь начало пути...

ISBN 978-5-00-691466-7

© Рей Р.

© Издательские решения

Содержание

ЦЫГАНКА	6
СУДЬБОНОСНАЯ ночь	6
ЧУЖАЯ КРОВЬ	14
ПРОБУЖДЕНИЕ ДАРА	18
ТЕНИ У ПОРОГА	21
ДОРОГА В ТУМАН	25
ГОД В КАМЕННЫХ ДЖУНГЛЯХ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Цыганка без корней Можно забыть имя, но не можно забыть кровь

Ромми Рей

*Звёзды не лгут, но и правды не говорят. Они показывают дорогу,
но идти по ней нужно самому – даже если эта дорога ведёт сквозь пепел
и боль.*

© Ромми Рей, 2026

ISBN 978-5-0069-1466-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦЫГАНКА

СУДЬБОНОСНАЯ НОЧЬ

Ночь была тяжелой, как свинец. Ветер, казалось, застыл, и даже огонь в кострах трещал неохотно, словно боялся потревожить тишину. Лагерь спал, но Злата не могла сомкнуть глаз. Её душу терзало странное чувство, будто сама земля под их ногами шептала о беде.

Старуха сидела у своего шатра, закутанная в шерстяной платок. Её морщинистые пальцы перебирали бусы из старых костяных четок. Она шептала молитвы, но слова слетали с её губ, словно птицы, которые не находили пути назад.

Вдруг её глаза закатились, и мир вокруг исчез. Она упала на землю, но никто этого не заметил – табор спал. Злата погрузилась в транс.

Её сознание перенеслось в другое место. Она видела горящие шатры, черный дым, который поднимался в небо, и слышала крики родных голосов, которые умолкали один за другим. Ветер разносил пепел, а земля, пропитанная кровью, словно стонала.

– Погибель, – хрипло прошептала Злата, но голос её не принадлежал ей самой. Это говорила судьба через её уста.

В видении перед ней возникла фигура – женщина, окутанная тенью. Её лицо было скрыто, но глаза горели, как угли, и в этих глазах Злата увидела будущее.

– Кто ты? – спросила старуха, но ответа не последовало. Вместо этого фигура подняла руку, на которой сверкал браслет из золотых монет – древний символ их рода.

Внезапно тьма вокруг рассеялась, и старуха увидела другой образ: шатры вновь стояли под звездами, костры пылали, а дети танцевали, хлопая в ладоши. Табор был жив, но он уже не был прежним.

– Ты придешь, – прошептала Злата, глядя на женщину. – Ты возродишь нас, но через пепел и боль.

Видение исчезло так же внезапно, как и началось. Злата очнулась, лежа на земле. Её старое сердце билось бешено, а в ушах стоял звон.

– Что ты видела? – спросил чей-то голос. Перед ней стоял молодой парень с широко раскрытыми глазами. Он был её учеником и прибежал, заметив странное состояние старухи.

Злата подняла взгляд, полный страха и усталости, но промолчала. Слова о видении нельзя было говорить вслух. Она знала: судьба сама откроет свои карты, но до этого её народ должен был пройти через свои испытания.

– Ничего, – лишь прошептала она. – Спи, мальчик. Утро всё расставит по местам.

Но в душе она знала: утро не принесёт покоя. Тьма уже направлялась к их табору, а спасение было далеко.

Юноша не поверил словам старухи, но не посмел перечить. Он помог Злате подняться и довел её до шатра. Перед тем как уйти, он заметил, как дрожат её руки, сжимающие четки.

Небо на востоке едва начинало светлеть, когда первые капли дождя упали на землю. Они были тяжелыми и редкими, словно слезы. Злата сидела в своем шатре, вслушиваясь в их стук по натянутой ткани. Каждая капля отдавалась в её сердце предвестником грядущей беды.

Она достала из старого сундука потертую колоду карт. Руки сами начали раскладывать их в древний узор, которому её научила ещё бабушка. Карты ложились зловеще: смерть, разлука, дорога. И снова – та женщина из видения, теперь уже в картах.

– Кто же ты? – прошептала Злата, всматриваясь в последнюю карту. На ней была изображена молодая цыганка с золотым браслетом, танцующая среди огня.

Внезапно полог шатра откинулся, и внутрь ворвался ветер, разметав карты по земляному полу. В проеме стоял барон табора – седой, но все еще крепкий мужчина.

– Что-то не так, Злата? – спросил он тихо, заметив разбросанные карты и бледное лицо гадалки.

– Нужно уходить, – ответила она, поднимая взгляд. – Сегодня же, до заката.

Барон нахмурился: – Мы только вчера разбили лагерь. Люди устали, лошади нуждаются в отдыхе.

– Если останемся, отдыха не будет никому, – Злата поднялась, опираясь на посох. – Я видела знаки, Василь. Такие же, как перед большой бедой в Молдавии, помнишь?

Лицо барона помрачнело. Тот случай, когда они потеряли половину табора, все еще жег его память.

– Собирай совет, – наконец произнес он. – Пусть старейшины решают.

Но Злата знала: даже если табор двинется в путь немедленно, это лишь отсрочит неизбежное. Женщина из видения найдет их, где бы они ни были. И тогда начнется то, что должно начаться.

К полудню дождь усилился, превращая землю в грязное месиво. В большом шатре собрались старейшины, их голоса смешивались с шумом дождя и порывами ветра. А Злата молчала, глядя на догорающие угли в очаге и видя в них отблески своего ночного видения.

Пока старейшины спорили в большом шатре, на другом конце табора, в маленьком шатре, украшенном красными лентами, молодая цыганка Рада металась в родовых муках. Её мать, Василиса, вытирала пот с лица дочери и шептала древние заговоры, которые передавались в их роду из поколения в поколение.

– Терпи, доченька, терпи, – приговаривала она, сжимая руку Рады. – Скоро твоё дитя увидит этот мир.

Рада была особенной в таборе. В её жилах текла кровь древнего рода предсказательниц, и все знали, что её ребёнок может унаследовать этот дар. Муж Рады, молодой скрипач Янко, метался у входа в шатёр – по традиции мужчинам нельзя было присутствовать при родах.

Внезапно порыв ветра распахнул полог шатра, и внутрь вошла Злата. Её появление заставило всех замолчать. Старая гадалка подошла к Раде и положила морщинистую руку ей на живот.

– В грозу рождается, – проговорила она тихо. – В час, когда небо плачет, а земля дрожит. Неспроста это, неспроста...

Рада закричала, и в этот момент молния расколола небо, а гром сотряс землю. Злата побледнела – она узнала в глазах роженицы тот самый огонь, который видела в своём видении.

– Девочка будет, – сказала Злата неожиданно твёрдым голосом. – И имя ей – Зара. Та, что придёт с рассветом.

Василиса хотела возразить – в их семье уже было выбрано другое имя, но спорить со Златой никто не осмеливался.

Роды продолжались до самого вечера. Когда последний луч солнца скрылся за горизонтом, в шатре раздался первый крик младенца. И в тот же миг все свечи и лампы в шатре погасли, словно их задул невидимый ветер.

Когда Василиса зажгла новую свечу, все увидели: на маленькой ручке новорождённой девочки отчётливо виднелось родимое пятно в форме монеты – точно такое же, какое было у прабабушки Рады, великой предсказательницы.

Злата взяла ребёнка на руки и всмотрелась в его лицо. На мгновение ей показалось, что младенец смотрит на неё осознанным, древним взглядом.

– Вот ты и пришла, – прошептала старуха. – Та, кого я видела. Та, что изменит судьбу нашего народа.

В этот момент снаружи раздался крик – табор начинал спешные сборы. Но Злата знала: теперь всё изменится. С рождением этой девочки начиналась новая история их народа, и какой бы страшной ни была дорога впереди, в конце её теплился свет надежды.

Янко наконец вбежал в шатёр, и Рада со слезами счастья протянула ему дочь. Молодой отец замер, глядя на крошечное личико, не зная, что держит на руках не просто своего ребёнка, а ту, чья судьба уже начала плести свой узор в полотне времени.

А дождь всё лил и лил, словно сама природа омывала землю перед приходом той, кто должна была изменить всё.

На следующий день дождь стих, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь серые тучи, начали сушить землю, превращая её в мягкую грязь. Табор проснулся поздно, Барон Василь, несмотря на предостережения Златы, решил остаться на месте. Он долго размышлял, но, посоветовавшись с остальными старейшинами, принял решение остаться.

– Нельзя трогаться в путь, когда земля сырая, а лошади устали, – сказал он. – Мы не готовы к дороге. Если судьба хочет испытать нас, мы примем её вызов здесь.

Злата промолчала, лишь опустив глаза. Она знала, что спорить бессмысленно. Судьба уже сделала свой выбор, и теперь они должны были идти ей навстречу.

На следующий день весь табор праздновал рождение Рады. Ребёнок, наречённый Златой «Зарой», стал символом новой надежды. По традиции табора, день рождения младенца отмечали весёлыми гуляниями. Женщины принесли самые красивые ткани, чтобы украсить шатры, а мужчины развели костры и расчистили место для танцев.

Музыка наполнила воздух: скрипки, бубны и гитары сливались в мелодии, которые звенели так же звонко, как свежий утренний воздух. Янко, отец ребёнка, играл на своей старой скрипке с такой страстью, что даже самые старые и усталые члены табора пустились в пляс.

– Пусть этот день будет благословением! – провозгласил Василь, поднимая кубок вина. – Пусть Зара принесёт нашему народу свет и радость!

Слова барона вызвали одобрительный гул, и праздник продолжился. Но Злата, сидя у своего шатра, смотрела на танцующих с тревогой. Она не разделяла радости. Её сердце было тяжёлым, и в каждом звуке музыки ей слышались отголоски грядущей беды.

Когда ночь опустилась на табор, костры разожглись ярче, и танцы стали ещё более оживлёнными. Молодёжь кружилась в хороводах, дети смеялись, а взрослые пели старые песни. Но всё это казалось Злате слишком громким, слишком вызывающим – словно они пытались перехитрить судьбу, которая уже стояла у их порога.

Поздно ночью, когда праздник подходил к концу, Злата увидела вдалеке странное движение. Тени мелькали у линии леса, словно кто-то наблюдал за табором. Старуха прищурилась, но разглядеть ничего не смогла.

– Ветер, – успокаивала себя она, но сердце твердило иное.

Наутро, когда солнце лишь начинало окрашивать горизонт, из леса появились всадники. Их было немного, но они двигались слаженно и быстро, как волчья стая. Впереди ехал высокий мужчина в тёмном плаще, его лицо скрывала тень, но в руках блестел клинок.

Злата выбежала из шатра, её старое сердце готово было вырваться из груди.

– Василь! – закричала она. – Они здесь!

Барон, сонный и раздражённый, вышел навстречу шуму. Увидев всадников, он побледнел, но постарался сохранить твёрдость.

– Кто вы и зачем пришли? – громко спросил он, шагнув вперёд.

Всадник в плаще приблизился и остановился перед ним.

– Мы пришли не для разговоров, – ответил он холодно. – Отдайте всё, что у вас есть, и, возможно, мы оставим вам жизнь.

Табор замер. Женщины схватили детей, мужчины потянулись за оружием. Но всадников было больше, и они были лучше вооружены. Злата схватила свой посох и крепко прижала к себе четки.

– Я предупреждала, – прошептала она, глядя на барона.

Но теперь было поздно.

Всадники начали наступать, их тёмные силуэты медленно окружали табор. Ветер усилился, поднимая пыль и разметая остатки праздничного убранства. Мужчины табора стояли с оружием, готовые защищать свои семьи, но женщины в страхе прижимали детей к груди.

Рада, дрожа от ужаса, сидела в шатре, держа новорождённую Зару на руках. Её лицо было бледным, а глаза полны слёз. Василиса, её мать, стояла рядом, шепча молитвы и обтирая внучку тёплой тканью.

– Мама, что нам делать? – спросила Рада, голос её дрожал. – Они убьют нас всех...

Василиса, вся в слезах, решительно схватила дочь за плечи.

– Ты должна уйти, Рада, – сказала она, стараясь говорить твёрдо. – Уйти прямо сейчас.

– Что? – Рада вскрикнула, её глаза наполнились ужасом. – Я не могу! Табор... Янко...

– Янко бы хотел, чтобы ты спасла ребёнка, – перебила её мать. – Она – наше будущее, понимаешь? Эта девочка. Если ты не уйдёшь, они найдут её. Она не должна погибнуть.

Василиса обняла дочь и внучку, её слёзы капали на тёмные волосы Рады.

– Уходи, – повторила она. – Иди в лес. Найди укрытие, спрячься. Ты должна спасти её.

Рада, вся в слезах, поняла, что спорить бесполезно. Она посмотрела на свою маленькую Зару, которая мирно спала, несмотря на весь ужас вокруг.

– Хорошо, – прошептала Рада. – Но я вернусь...

Василиса покачала головой.

– Нет, не возвращайся. Если хоть кто-то должен выжить, то это будешь ты и она.

В это время шум снаружи усилился. Мужчины табора кричали, пытаясь отбить нападение. Василиса подбежала к сундуку и достала маленький мешочек с травами и монетами, которые она сунула в руки дочери.

– Возьми это, – сказала она. – Это всё, что у нас есть. Это поможет тебе продержаться.

Рада, вся в слезах, крепче прижала дочь к груди.

– Я люблю тебя, мама, – прошептала она.

– И я тебя, – ответила Василиса, толкая Раду к заднему выходу шатра. – Беги, моя девочка. Беги и не оглядывайся.

Рада, стараясь не издавать ни звука, выбежала из шатра и растворилась в темноте. Она направилась в сторону леса, где густые деревья могли стать укрытием.

Василиса осталась внутри, вытирая слёзы. Она знала, что её решение было правильным, но сердце разрывалось от боли. Снаружи звуки битвы становились всё громче, а вскоре первый вопль боли прорезал воздух, заставив её вздрогнуть.

Спрятавшись в лесу, Рада остановилась, чтобы отдышаться. Она обернулась на табор, который теперь был виден только через дым и вспышки огня. Её сердце сжалось от ужаса, но она знала, что должна продолжать идти ради своей дочери.

– Я обещаю, Зара, – прошептала она, целуя лоб ребёнка. – Я сохраню тебя, чего бы мне это ни стоило.

Рада бежала сквозь лес, стараясь не шуметь и укрывая Зару в платке. Но её сердце разрывалось от мысли, что она оставляет Янко и свой табор в беде. Она остановилась на мгновение, тяжело дыша, и в этот момент в густых тенях деревьев мелькнула фигура.

– Кто здесь? – прошептала она, крепче прижимая дочь к груди.

Из-за кустов вышла молодая девушка – Лала, младшая из девушек табора, с большими карими глазами, полными страха. Её одежда была порвана, а волосы взъерошены, но, увидев Раду, она облегчённо выдохнула.

– Рада! – шепнула Лала. – Я искала тебя. Что происходит? Табор в огне!

Рада встала перед Лалой, не выпуская дочь из рук.

– Слушай меня, Лала, – начала она, стараясь говорить чётко, несмотря на дрожь в голосе. – Ты должна помочь мне.

– Помочь? – Лала подошла ближе, заметив младенца. – Это... это она?

Рада кивнула, а затем взяла руку Лалы и вложила в неё свёрток с ребёнком.

– Ты должна взять её и уйти как можно дальше, – сказала Рада. – Уведи её туда, где её никто не найдёт.

– Что? Нет! – Лала испуганно отпрянула. – Рада, я не могу... Почему ты не идёшь с ней? Глаза Рады наполнились слезами.

– Я не могу оставить Янко. Он там, он сражается... – она всхлипнула. – Но если я пойду обратно, я не смогу защитить её. Ты молодая, быстрая, ты можешь спасти её, Лала.

– Рада... – Лала попыталась возразить, но Рада остановила её, обхватив лицо девушки руками.

– Слушай меня! – резко сказала она. – Эта девочка – наша надежда. Она должна жить. С ней – будущее нашего народа. Ты можешь это сделать, Лала. Я верю в тебя.

Молодая цыганка замерла, глядя в глаза Рады, полные слёз и отчаяния. Она опустила взгляд на ребёнка, который мирно спал в её руках, и поняла, что не может отказать.

– Хорошо, – наконец прошептала Лала. – Я сделаю это.

Рада обняла Лалу крепко, словно передавая ей часть своей силы.

– Береги её, Лала. Любой ценой.

Лала кивнула и, завернув ребёнка в свою тёплую шаль, быстро скрылась в лесной тени.

Рада осталась стоять одна. На мгновение её охватило ужасное чувство потери, но она заставила себя развернуться и побежать обратно к табору.

– Я иду, Янко, – прошептала она себе. – Я не оставлю тебя одного.

Её ноги несли её обратно туда, где всё ещё слышались крики, а дым стлался над деревьями. Она знала, что, возможно, больше никогда не увидит свою дочь, но в её сердце была надежда, что Зара будет в безопасности.

Лала бежала через лес, осторожно прижимая к себе свёрток с ребёнком. Зара спала, не подозревая о том, что её маленькая жизнь уже оказалась в руках судьбы. Лес расступился, и Лала наконец увидела впереди огоньки деревенских домов. Это был небольшой посёлок, открытый на краю холма.

– Прости меня, Рада, – прошептала Лала, глядя на спящую девочку. – Я сделаю всё, чтобы спасти её.

Она понимала, что не сможет обеспечить ребёнку безопасность. У неё самой ничего не было – ни еды, ни крова, ни сил. Девушка знала, что Зара заслуживает лучшей судьбы, чем скитания в холоде и голоде.

Пройдя по тёмной улице, Лала остановилась возле первого дома, из окна которого пробивался тёплый свет. Это был небольшой, но ухоженный дом с низкой крышей и плотно закрытыми ставнями. На крыльце стоял старый деревянный ящик, на котором лежала груда дров.

– Прости, крошка, – прошептала Лала, стараясь сдержать слёзы.

Она осторожно положила свёрток на ящик и подтянула его поближе к двери. Взгляд её упал на лицо девочки, которая едва шевельнула губами во сне. Лала с трудом оторвала взгляд, сняла с шеи свой старый медальон и вложила его в свёрток.

Затем Лала достала из кармана сложенный листок бумаги. Карандашом, немного дрожащей рукой, она написала:

«Эту девочку зовут Рубина. Она особенная. Пожалуйста, защитите её и дайте ей жизнь, которую я не могу ей дать. Пусть она растёт в тепле и любви.»

Сложив записку пополам, Лала вложила её рядом с медальоном, чтобы её сразу заметили.

– Это всё, что я могу для тебя сделать, – сказала она, касаясь щеки ребёнка. – Пусть этот мир будет к тебе добрее, чем он был ко мне.

Она постучала в дверь несколько раз и быстро скрылась в темноте, прячась за ближайшим деревом.

Через несколько мгновений дверь дома открылась, и на пороге появилась пожилая женщина с платком на голове. Её лицо выражало удивление, когда она заметила свёрток.

– Что это? – прошептала она, наклоняясь ближе.

Развернув ткань, женщина ахнула.

– О, Господи! – воскликнула она, поднимая ребёнка на руки.

Малышка зашевелилась, издав лёгкий звук, и женщина тут же прижала её к себе, укачивая. Её взгляд упал на записку и медальон, вложенные в свёрток. Развернув записку, она прочитала вслух:

– «Рубина... Она особенная...»

Её глаза наполнились слезами.

– Кто же тебя здесь оставил? – спросила она, хоть ответа и не ждала.

Она поднялась на крыльцо и скрылась в доме, а свет за её спиной озарил порог.

Лала, наблюдавшая издалека, почувствовала смешанные чувства. Её сердце было разорвано, но она знала, что сделала правильный выбор.

– Живи, малышка, – шепнула она, прежде чем развернуться и исчезнуть в ночи.

Теперь у Зары, названной Рубиной, была новая судьба, связанная с этим домом, этой деревней. Но её связь с табором и её истинное наследие ждали своего часа, чтобы однажды снова проявиться.

ЧУЖАЯ КРОВЬ

Дождь, что лил не переставая с той самой злополучной ночи, наконец утих, оставив после себя сырую, промозглую мглу. В деревне, укрытой на отшибе у холмов, жизнь просыпалась медленно. В доме Марфы и Алексея Орловых, куда попала девочка, царил непривычный суеда.

Марфа, женщина лет пятидесяти с добрым, уставшим лицом, не могла наглядеться на спящую малышку, которую устроила в старом корыте, застеленном мягкими одеялами.

– Смотри-ка, Алексей, – тихо говорила она мужу, мощному, молчаливому дровосеку. – Личико-то какое ангельское. И не плачет почти, только глазками водит, будто всё понимает.

Алексей хмуро наблюдал с порога. Он был человеком простым и прямым, и появление младенца на его крыльце сбило его с толку.

– Приблудилась, – пробурчал он. – А ну как больная? Или от нехороших людей?хлопот не оберёшься, Марфа.

– Брось, – отмахнулась жена. – Ребёнка подкинули, значит, своим не пригодился. Разве мы можем её выгнать? Посмотри на неё!

Она развернула плотный платок, в котором была завёрнута девочка. Вместе с запиской на пол скатился старый медальон – простенький, из тусклого металла, с выцарапанным узором, похожим на солнце.

– «Рубина»... – прочитала вслух Марфа, бережно поднимая его. – Имя-то какое диковинное. Цыганское, не иначе.

– То-то я гляжу, смугленькая, – хмыкнул Алексей, но в его голосе послышалась тревога. – Цыганёнок... Это тебе не шутки. Они потом всей ордой нагрянут, ребёнка требовать станут.

– Никто не нагрянет, – твёрдо сказала Марфа, прижимая к груди медальон. – Кто б её ни оставил, тот сделал это навсегда. Сердце у меня за неё болит. Оставим.

Алексей тяжело вздохнул, посмотрел на беззащитное личико ребёнка, на полные решимости глаза жены и кивнул.

– Ладно. Быть по-твоему. Только чтоб никакой Рубины. Имя у нас своё, простое. Матрёна. В честь твоей покойной матери.

Марфа хотела было возразить, но сдержалась. Она понимала: чтобы защитить девочку, нужно растворить её среди своих. С этого дня подкидыш стала Матрёной Орловой – Машей для домашних.

Тем временем на месте разгромленного табора остались лишь пепелища да немые свидетельства трагедии. Ветер гулял среди обугленных столбов шатров, шелестел разорванными лентами, смешанными с грязью и кровью.

Испуганная и обессиленная, Лала вернулась сюда на рассвете, надеясь найти кого-то живого. Но её встретила лишь могильная тишина. Она бродила среди развалин, её ноги подкашивались от ужаса. Повсюду лежали тела. Она узнала старого кузнеца Мишу, молодую танцовщицу Сою... Сердце её разрывалось.

Вдруг она услышала слабый стон. Из-под опрокинутой повозки кто-то шевельнулся. Лала бросилась туда и отвалила тяжёлый борт. Под ним, прижав к груди разбитую скрипку, лежал Янко. Лицо его было бледным как полотно, а на груди расплывалось алое пятно.

– Янко! – вскрикнула Лала, падая перед ним на колени.

Он с трудом открыл глаза.

– Ла... ла... – прошептал он. – Рада... Где Рада? Ребёнок?

Слёзы хлынули из глаз девушки. Она рассказала ему всё – как встретила Раду, как та умоляла спасти девочку, как она сама отнесла её в деревню и оставила в безопасном месте.

– Рада... вернулась ко мне... – с трудом выговорил Янко, и в его глазах вспыхнула последняя искра жизни. – Нашла... меня... перед самым концом... – Он замолчал, переводя дух. – Спасибо... за дочь... Скажи... Злате... Девочка... должна... жить...

Его рука разжалась, и на землю упала маленькая золотая серёжка – та самая, что он подарил Раде в день их свадьбы. Взгляд его остановился.

Лала рыдала, сжимая его холодную руку. Она осталась одна. Весь её мир, её семья, её народ – всё было уничтожено. Теперь на ней лежала величайшая тайна и величайшая ответственность: знать, где находится наследница их рода, и хранить эту тайну до времени.

Годы текли для Маши Орловой размеренно и однообразно, как вода в тихой речке у их деревни. Она росла тихой, задумчивой девочкой, не похожей на других деревенских детей. Её смуглая кожа и тёмные, как спелая смородина, глаза всегда вызывали перешёптывания за спиной.

– В кого это наша Матрёна такая чернявая? – подтрунивали соседи. – Ни в мать, ни в отца.

Марфа и Алексей отмалчивались, но тревога в их душах не утихала. Слишком уж странными порой были выходки девочки.

Однажды, когда Маше было лет пять, она сидела на завалинке и играла с пучком полевых трав. Вдруг она подошла к Марфе, держа в руках сплетённый из травинок причудливый узор, отдалённо напоминающий браслет.

– Мама, смотри, – сказала она серьёзно. – Это для тебя. Чтобы боль в спине прошла.

Марфа, у которой действительно с утра ломило спину, рассмеялась и приколотла «браслет» к платью. Каково же было её изумление, когда к вечеру боль и вправду утихла, словно её и не было.

Другой раз Маша указала на соседского мальчика Ваньку и сказала: – Он сегодня упадёт с горки и плакать будет. Все отмахнулись от этих слов, но после обеда Ванька и вправду слетел с крутого склона и расшиб коленку в кровь.

Слухи о «колдовских» способностях Маши поползли по деревне. Дети стали обходить её стороной, а взрослые смотрели с подозрением. Только в семье Орловых её любили и оберегали, списывая всё на богатое детское воображение.

Лала, оставшись одна, не ушла далеко. Она нашла приют в небольшом городке в двух днях пути от деревни, куда отнесла Зару. Она устроилась прачкой, жила тихо и незаметно, но мысль о девочке не покидала её ни на день. Иногда, под видом торговки-разносчика, она приходила в деревню, чтобы украдкой взглянуть на повзрослевшую Машу. Она видела, как та несёт воду с коромыслом, как играет одна на окраине, и сердце её сжималось от боли и гордости.

Однажды вечером, когда Лала возвращалась из такой вылазки, её остановил на дороге старый нищий с посохом. Его лицо было скрыто капюшоном, но голос прозвучал молодо и властно.

– Девушка, ты из рода ушедших? – спросил он.

Лала вздрогнула и попыталась пройти мимо.

– Постой, – нищий шагнул ей наперерез. – Я не враг. Я ищу одну душу. Девушку с отметиной судьбы. Ты знаешь, о ком я.

Страх охватил Лалу. Она резко отшатнулась. – Я никого не знаю! Отстань!

– Она в опасности, – настойчиво продолжил незнакомец. – Те, кто уничтожил ваш табор, ещё не закончили свой кровавый путь. Они ищут её. И найдут. По следу крови.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и растворился в сумерках так же внезапно, как и появился.

Лала стояла, прислонившись к стволу дерева, и дрожала. Страх, который она пыталась загнать в самую глубину души, вырвался на свободу. Они ищут Зару. Значит, её жертва, гибель

табора, смерть Рады и Янко – всё это было не зря, но и не закончилось. Война за душу девочки только начиналась.

А в это время Маша Орлова, сидя на своём крылечке, вдруг подняла голову и прислушалась. Ей почудился на ветке далёкий, знакомый напев – словно звон бубенцов и грустная мелодия скрипки. Она не знала, что это за музыка, но сердце её защемило от тоски по чему-то, чего она никогда не знала, но что было частью её самой.

Она сжала в кармане старенького платья потёртый медальон, который Марфа отдала ей, когда она подросла. «Храни его, дочка, это единственное, что было с тобой, когда ты к нам пришла», – сказала тогда приёмная мать.

Маша не знала, что этот медальон когда-то принадлежал Лале. И что он был не просто украшением, а оберегом, и его древняя магия, как щит, до сих пор скрывала её от тёмных глаз, ищущих «девочку с отметиной». Но щит этот был не вечен.

С того дня, когда незнакомец на дороге произнёс слова об опасности, жизнь Лалы превратилась в постоянную стражу. Её визиты в деревню стали чаще и осторожнее.

Она больше не приходила под видом торговли, а подкрадывалась к околице на рассвете или в сумерках, прячась в кронах деревьев или за густыми кустами боярышника. Она наблюдала, как Маша растёт, и с облегчением видела, что девочка хоть и не похожа на местных, но живёт в относительном покое. Но этот покой был обманчив, словно тонкий лед на весеннем ручье. Лала знала – под ним скрывается холодная и быстрая вода реальной угрозы. Однажды летним днем Маша, игравшая одна на краю леса, недалеко от деревенской околицы, вдруг замерла. Она услышала музыку.

Не ту, что доносилась иногда из кабака на гулянках – грубую и весёлую, а другую. Тонкую, пронзительную, словно плач ветра в проводах или шепот звезд. Она шла откуда-то из глубины леса, и мелодия была до боли знакомой, будто кто-то напевал колыбельную, которую она слышала во сне.

Девочка, не раздумывая, пошла на звук. Она шагала по мху, переступала через корни, углубляясь в чащу. Музыка вела её, как путеводная нить. Скрывавшаяся в тени сосен Лала увидела это и похолодела от ужаса. Она знала эту мелодию. Это был старинный напев их табора, который играли на поминках или перед долгой разлукой. Его мог напевать только свой – или тот, кто хотел выманить свою добычу, используя память крови.

– Матрёна! Стой! – чуть не закричала Лала, но вовремя вцепилась пальцами в кору дерева, заставив себя молчать. Криком она могла выдать себя и девочку. Вместо этого она, крадучись как кошка, бросилась в обход, чтобы перехватить Машу, не выходя на открытое пространство. Маша вышла на маленькую поляну. Музыка стихла.

В центре поляны, на поваленном бурей дереве, сидел тот самый старейший нищий с посохом. Его капюшон был сдвинут, и девочка увидела худое, испещрённое морщинами лицо и пронзительные, не по-стариковски яркие глаза. – Здравствуй, девочка, – его голос был мягким, как шелест листвы. – Ты пришла на мою песню?

Маша кивнула, не испытывая страха, лишь жгучее любопытство. – А ты кто? – Я – странник. Ищу одну потерянную жемчужину. Ты не встречала в лесу жемчужину? – он пристально смотрел на неё, и его взгляд скользнул к её шее, где под платьем прятался медальон. В этот момент из-за кустов выскочила перепуганная белка и пронзительно запищала, сорвавшись прямо под ноги Маше. Девочка вздрогнула и отшатнулась. А когда снова посмотрела на пенёк, странника там уже не было. Словно он растворился в воздухе. Сердце её учащённо забилося, в горле встал комок. Впервые она почувствовала не просто странность, а настоящую, леденящую опасность.

– Матрёна! – это был уже не сдержанный шёпот, а отчаянный крик. К ней, спотыкаясь и плача, бежала Лала. Она схватила девочку за руку и, не говоря ни слова, потащила прочь

от поляны, к деревне. – Ты... ты кто? – испуганно спросила Маша, пытаясь вырваться. – Молчи! Беги! – Лала оглядывалась через плечо, её глаза были полны ужаса.

Она доволокла девочку до самого края огородов, где уже были слышны голоса деревенских женщин. – Запомни, – тяжело дыша, прошептала Лала, отпуская её руку и отступая обратно к лесу. – Никогда не ходи одна в лес на музыку. Никогда! Слышишь?

И прежде чем Маша успела что-то ответить, незнакомая женщина скрылась в лесной тени. Вечером того дня Маша сидела, пригорюнившись, на лавке. Марфа замешивала тесто и с тревогой поглядывала на приёмную дочь. – Что с тобой, Машенька? Словно воды в рот набрала. – Мама, – тихо сказала девочка. – А что такое жемчужина?

Марфа удивилась. – Ну, это такая красивая белая бусинка, её в море находят. Блестит. А что? – А бывают... живые жемчужины?

Марфа засмеялась. – Что ты несешь, дочка? Нет, конечно. Это камень. Маша умолкла, но в душе её шевельнулось сомнение. Она не знала, почему, но была уверена – странник искал не морской камень.

Алексей, услышав этот разговор, мрачно нахмурился. – Видел я сегодня днём, – тихо сказал он. – Возле леса ту цыганку, что по деревням раньше с коробом ходила. Она нашу Машу от леса оттаскивала, будто от огня. И вид у неё был нездоровый. Марфа перекрестилась. – Господи, помилуй... Может, Маша в лес пошла одна, а та её отругала? – Не за своё дело она так беспокоится, – твёрдо заявил Алексей. – Чует моё сердце, не к добру это. Надо медальон тот от греха подальше спрятать. Всё, что с ней связано, – нечисто.

В тот же вечер, когда Маша уснула, Алексей взял со старого комода медальон и сунул его в жестяную коробку из-под гвоздей, которую убрал на самую верхнюю полку в чулане. На следующее утро Маша, проснувшись, сразу потянулась к своему сокровищу. Не обнаружив его на привычном месте, она расплакалась.

Марфа, жалея её, сказала, что медальон потерялся, но они обязательно найдут. Но девочка будто и правда потеряла часть себя. Она стала ещё тише, ещё более замкнутой. А по ночам ей теперь снились не просто мелодии, а огненные вспышки, чёрные тени всадников и плач женщины, от которого сжималось сердце. Она просыпалась в холодном поту и долго лежала с открытыми глазами, глядя в темноту и чувствуя, как в ней шевелится что-то чужое, древнее и бесконечно печальное.

Лала, наблюдая из своего укрытия, видела, как поблекла девочка, и поняла – связь с берегом ослабла. Теперь Зара, Маша, Рубина была беззащитна перед тем, что шло по её следу. И счёт пошёл на дни.

ПРОБУЖДЕНИЕ ДАРА

Без своего медальона Маша будто утратила последнюю связь с тем миром, откуда пришла. Но таинственная сила, дремавшая в её крови, не исчезла. Напротив, лишённая тонкого сдерживающего влияния оберега, она начала прорываться наружу – беспорядочно и пугающе.

Однажды Марфа попросила Машу принести щепотку соли из чулана. Девочка, стоя на цыпочках, тянулась к полке, как вдруг жестяная коробка, в которой лежал медальон, сама по себе с грохотом свалилась и раскрылась. Блеснувший на полу металл будто подёрнулся лёгкой дымкой. Маша, не помня себя от радости, подхватила его и прижала к груди. В ту же секунду по её телу разлилось странное тепло, а в ушах отчётливо прозвучал незнакомый женский голос: *«Береги себя...»*

Она с писком выбежала из чулана, заливаясь слезами. Марфа, решив, что та просто обрадовалась находке, успокоила её и разрешила оставить медальон, но наказала никому его не показывать.

С этого дня странности посыпались одна за другой. Как-то раз соседский мальчишка, вечный задира Гришка, дразнил Машу «цыганёнком» и швырнул в неё комком грязи. Маша, сжав кулаки, отчаянно прошептала: «Уйди!» Мальчик вдруг поскользнулся на ровном месте и шлёпнулся в ту самую лужу, которую только что собирался использовать для новой атаки.

Но самым пугающим было то, что её сны стали явью. Однажды утром она рассказала Марфе, что видела во сне чёрного коня, который бежал по деревне и сеял панику. А после обеда в деревню и впрямь забежала испуганная лошадь, сорвавшаяся с привязи, и помяла несколько заборов.

Алексей мрачнел с каждым днём. Он видел, как дочь разговаривает с невидимыми собеседниками, как вороньё, пролетая над их домом, внезапно замолкало и сворачивало в сторону, будто натываясь на невидимую стену. Суеверный страх закрадывался в его душу.

– Колдовство это, Марфа! – говорил он жене, когда Маша спала. – Чистой воды колдовство! Глаза у неё горят, как угли, не по-детски. Надо батюшку позвать, пусть окропит святой водой.

Марфа, хоть и боялась непонятного дара приёмной дочери, защищала её. – Она не колдунья, она ребёнок! Просто... чувствительная. Не тронь её, Алексей!

Тем временем Лала, прячась на окраине деревни, чувствовала происходящее с девочкой как собственную боль. Ослабление защиты оберега было подобно зажжённому факелу в ночи для тех, кто охотился на Зару. Она знала, что время уходит. Ей нужно было предупредить девочку, подготовить её, но как подойти, не выдав себя?

Судьба предоставила ей шанс. Марфа отправила Машу в лес за ягодами, но строго настроено наказала не уходить далеко от опушки. День был пасмурным, в воздухе висела тяжёлая, зловещая тишина. Даже птицы не пели.

Лала, следившая за девочкой, увидела, как та, набрав полкорзины черники, присела на пенёк и, достав медальон, принялась его разглядывать. Это был момент.

– Девочка, – тихо окликнула её Лала, выходя из-за ствола старой сосны.

Маша вздрогнула и вскочила, готовясь бежать. Но в этот раз она узнала женщину – ту самую, что спасла её на поляне.

– Не бойся, – голос Лалы дрожал. – Я не причиню тебе зла. Я... я из твоего прошлого.

– Какого прошлого? – настороженно спросила Маша, сжимая в руке медальон.

– Ты не простая девочка, Матрёна. Твоё настоящее имя – Зара. Ты из рода, в котором женщины видят то, что скрыто от других.

Маша смотрела на неё широко раскрытыми глазами. Слова незнакомки отзывались в ней смутным, глубинным эхом.

– Твоя мать... Рада... – голос Лалы сорвался. – Она была как ты. И твой отец, Янко, играл на скрипке так, что плакали камни. Они... они погибли, защищая тебя.

Слёзы выступили на глазах у Маши. Она не помнила их, но сердце сжалось от острой, пронзительной боли.

– А ты кто?

– Я – Лала. Я была там. Я спасла тебя и отнесла в деревню, в дом к Орловым. Я дала тебе этот медальон, – она указала на амулет в руке девочки. – Он скрывал тебя. Но теперь его сила слабеет, и твой дар просыпается. Они это чувствуют.

– Кто... они? – прошептала Маша.

– Те, кто уничтожил наш дом. Тот странник, что звал тебя музыкой – один из их слуг. Они ищут тебя, Зара. Потому что ты – последняя.

В этот момент ветер резко усилился, завыв в кронах деревьев. Сухие сучья с треском падали на землю. Лала вздрогнула и оглянулась.

– Мне пора. Они близко. Запомни всё, что я сказала. И никому не доверяй. Доверяй только своему сердцу и... – она замолчала, прислушиваясь. – И знакам. Они будут приходить к тебе. В воде, в огне, в ветре.

Не сказав больше ни слова, Лала бросилась вглубь леса и исчезла.

Маша стояла как вкопанная, сжимая в одной руке корзину с ягодами, а в другой – медальон. В голове у неё был хаос. Зара. Рада. Янко. Табор. Охота. Это были не просто слова – это были ключи, отпирающие двери в её собственную душу. И за этими дверьми начинало просыпаться что-то огромное и могущественное.

Она медленно пошла обратно к деревне. Идя по тропинке, она неосознанно протянула руку, и поднявшийся ветерок, кружась, подхватил сухой листок и понёс его перед ней, словно указывая путь.

Вернувшись домой, Маша была молчаливее обычного. Вечером, глядя на пламя в печи, она вдруг ясно увидела в нём не просто огонь, а отражение – высокие тёмные шатры, яркие костры и танцующие фигуры. И почудился ей далёкий, грустный напев скрипки.

Она обернулась и посмотрела на Алексея и Марфу, сидевших за столом. И впервые чётко осознала, что любит их всем сердцем, но они – не её кровь. Её настоящая семья была где-то там, в прошлом, завещанном ей шепотом Лалу и отблесками в огне.

А на окраине леса, в глубоких сумерках, стояла та самая фигура в капюшоне. Странник наблюдал за огоньком в окне дома Орловых. На его губах играла тонкая улыбка.

– Почти что нашёл, жемчужинка, – прошептал он. – Почти что нашёл. Скоро твой дар приведёт тебя прямо к нам.

Он повернулся и растворился в наступающей ночи, а ветер донёс до дома тихий, злоежий смех. Охота вступала в свою решающую фазу.

Возвращение домой из леса стало для Маши переходом через невидимую границу. Мир вокруг не изменился: та же старая изба, тот же запах печёного хлеба, те же заботливые руки Марфы. Но внутри у неё всё перевернулось. Слова Лалы, как семена, упали в хорошо подготовленную почву её души и тут же начали прорастать.

Теперь её «странности» обрели имя. Дар. Наследие.

Она больше не просто боялась своих видений – она начала их ждать. Смотрела на текущую воду в ведре, вслушиваясь в её журчание, надеясь разобрать в нём слова. Пристально вглядывалась в языки пламени в печи, выискивая знакомые образы. И её тихое, отстранённое поведение сменилось напряжённым, почти болезненным вниманием к миру.

Однажды за ужином Алексей неосторожно порезал палец, разделявая хлеб. Капля крови алою точкой упала на скатерть. Маша, увидев это, замерла с поднесённой ко рту ложкой. Её взгляд затуманился. «Кровь на земле... и пепел... много пепла», – прошептала она чуть слышно, и ложка с грохотом упала на стол.

Алексей и Марфа переглянулись. В глазах мужчины читался уже не просто страх, а настоящий ужас. – Ведьмачка! – вырвалось у него. – Глазами тебя пожирает! Я же говорил!

Марфа, бледная, попыталась его успокоить, но сама была напугана до глубины души. Этого уже было нельзя списать на детские фантазии.

На следующий день в доме Орловых появился отец Павел, местный священник, сухой и серьёзный мужчина с пронзительным взглядом. Алексей ходил за ним по пятам, жалуясь на «нечисть», что поселилась в его дочери.

Батюшка усадил Машу, долго и пристально смотрел на неё, а затем принялся неспешно расспрашивать о её «снах». Девочка, сжав в кармане медальон, молчала, опустив глаза. Рассказать ему о Лале, о Заре, о таборе? Она инстинктивно чувствовала – нельзя. Его вера была другой, чужой, и в ней не было места для её правды.

– Вижу смятение души, но не вижу скверны, – наконец изрёк отец Павел, обращаясь к Алексею. – Ребёнок впечатлительный. Много молитесь и окропите дом святой водой. А её... приведите в церковь. Пусть привыкает к благодати.

Он ушёл, оставив после себя запах ладана и тяжёлое чувство неразрешённости. Алексей был разочарован. Он ждал громких молитв, изгнания, а получил лишь совет молиться.

Для Маши же визит батюшки стал ещё одним знаком. Она поняла, что даже здесь, в своём доме, она одна. Никто не может понять того, что происходит у неё внутри.

Той же ночью она проснулась от жгучего желания взглянуть на луну. Выскользнув из избы, она вышла во двор. Ночь была ясной и холодной. Полная луна висела в небе, как отполированное серебряное блюдо.

Маша подняла лицо к её свету, и случилось необъяснимое. Лунный свет будто сгустился вокруг неё, образовав матовое сияние. А в голове её, безо всякого сна, возник образ – ясный и чёткий, как память.

Высокая, худая женщина с лицом, изрезанным морщинами, но с гордым станом. Злата. Она сидела у тлеющих углей костра и раскладывала потрёпанные карты. Подняла взгляд, и её мудрые, старые глаза встретились с взглядом Маши через время и расстояние. «Помни, дитя моё, – проговорили безмолвные уста. – Ты – корень и крона. Ты – память наша и надежда. Не дай страху затмить твой путь. Они идут...»

Видение исчезло, но чувство связи, прочной, как стальная нить, осталось. Кто-то из её крови, из её настоящей семьи, думал о ней. Звал её.

С этого момента Маша перестала бороться. Она приняла свой дар, как принимают внезапно проливной дождь – сначала с испугом, а потом с пониманием, что это просто часть природы.

А в лесу, недалеко от деревни, Лала, прижавшись спиной к ели, чувствовала, как мощная волна энергии исходит из деревни. Она закрыла глаза, и на её губах дрогнула улыбка. Она узнала этот след – чистый, сильный, ни с чем не сравнимый. Это проснулась не просто девочка с даром. Это пробудилась цыганская королева, последняя наследница рода предсказательниц.

– Проснись, Зара, – прошептала она в ночь. – Проснись. Ибо битва уже у твоего порога.

И словно в ответ на её слова, с другой стороны леса, на старой заезжей дороге, послышался отдалённый, но явственный стук копыт. Не одинокий стук путника, а чёткий, размеренный ритм – словно ехало несколько всадников. И ехали они не спеша, с уверенностью тех, кто точно знает, куда держит путь.

ТЕНИ У ПОРОГА

Стук копыт, долетавший с заезжей дороги, не умолкал всю ночь. Он был едва слышен в самой деревне, но для Маши, чей слух обострился до невыносимых пределов, он гремел, как набат. Она не спала, сидя на своей кровати и сжимая в руке медальон. Образ старухи Златы, пришедший к ней в лунном свете, не покидал её. «Они идут...»

Наутро в деревне царил непривычное оживление. По главной улице медленно проехали трое всадников. Не нищие странники и не купцы. Это были люди в тёмных, добротных плащах, с холодными, ничего не выражающими лицами. Их лошади были сильны и выхолены,

а сёдла отделаны тёмным металлом. Они не смотрели по сторонам, но казалось, что они видят всё разом, сканируя каждую избу, каждое лицо. Алексей, увидев их из окна, мрачно пробурчал: – Опять какие-то проезжие. Без добра такие гости. Марфа перекрестилась. – Молчи, Алексей. Проедут и ладно. Но они не проехали. Всадники остановились на деревенской площади, у колодца.

Высокий, тот, что был впереди, спрыгнул с коня. Его лицо было скрыто тенью от капюшона, но Маше, выглянувшей в щель ставня, показалось, что его взгляд на мгновение остановился на их доме. Сердце её упало. Она отступила от окна, чувствуя, как по спине бегут мурашки. В ушах зазвенело, и перед глазами поплыли кровавые пятна. Она увидела не площадь, а горящие шатры, чёрный дым и того самого всадника, с клинком в руке. Того самого, что был в видении Златы.

– Мама, – слабо позвала она. – Они...

Но она не смогла договорить. Голова её закружилась, и она бы упала, если бы Марфа не подхватила её. – Всё, дочка, всё, – испуганно приговаривала та, укладывая её на кровать. – Это от испуга. Лежи. Но это был не испуг. Это было знание, переданное с кровью. Охотники пришли.

Лала, прятаясь в сарае на заброшенном усадьбе на краю деревни, видела всадников. Её охватил леденящий ужас. Она узнала их. Это были не просто наёмники. Это были чардони – особая каста преследователей, охотящихся за людьми с даром. Они не знали жалости, не ведали усталости. Они шли по следу, как гончие псы. Она понимала, что её время истекло. Спрятать Зару больше не получится. Оставался один путь – увести их за собой. Отвлечь. Дать девочке шанс. Днём, когда всадники, расспрашивая старосту, всё ещё находились на площади, Лала совершила отчаянный поступок. Она вышла из своего укрытия и прошла по деревенской улице, не скрываясь. Она шла медленно, гордо выпрямив спину, в своём старом, но ярком цыганском платье, которое хранила все эти годы. Она прошла мимо них, не глядя, но всем своим видом бросая вызов. Шёпот пронёсся по деревне: «Цыганка! Откуда?»

Всадники замерли. Их предводитель медленно повернул голову и проследил за ней взглядом. Этого было достаточно. Лала не пошла к лесу. Она вышла за околицу, на открытое поле, ведущее к реке. Она знала, что ведёт их на верную смерть. Но это была смерть во имя Зары.

Вечером в доме Орловых было тихо и тревожно. Маша лежала, притворяясь спящей. Она чувствовала, как тёмная туча нависла над их домом. Её дар, больше не сдерживаемый, рвался наружу, показывая ей обрывки будущего. Она видела Лалу, бегущую по полю... и видела тёмные фигуры, окружающие её. Внезапно дверь в избу распахнулась. На пороге стоял Алексей, его лицо было искажено гневом и страхом. – Всё! Хватит! – прохрипел он, обращаясь к Марфе. – Староста только что был! Эти всадники ищут цыганку с ребёнком! Расспрашивали про всех, кто у нас живёт! Про нашу Машку тоже спрашивали!

Марфа вскрикнула, прижав руки к груди. – Господи! Да что же это такое! – Они сейчас по следу той цыганки ушли, но они вернуться! – Алексей подошёл к кровати Маши и грубо схватил её за руку. – А всё из-за тебя! Из-за твоих колдовских глаз! – Алексей, что ты! – бросилась к нему Марфа. – Молчи! – Он оттолкнул жену. – Я не позволю из-за неё всю деревню сжечь! Я отведу её к ним сам! Скажу, что мы её подобрала, а кто она такая – не знаем!

Маша смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Не из-за страха, а из-за внезапной, жгучей ясности. Она увидела в его глазах не злость, а животный, панический ужас. И поняла, что он не плохой. Он просто сломлен.

– Папа, – тихо сказала она, и это был первый раз, когда она осознанно назвала его так. – Не надо. Её голос прозвучал странно – глубже, взрослее. В нём была власть. Алексей на мгновение опешил и ослабил хватку. В этот момент в сенях раздался шорох, а потом тихий, но отчётливый стук в дверь. Все трое замолчали, застыв. Стук повторился – настойчиво и неторопливо. Маша медленно поднялась с кровати. Она знала, кто там. Она чувствовала это – холодное, без-

жалостное присутствие, давящее на сознание. – Не открывай! – взмолилась Марфа. Но Маша уже шла к двери. Её сердце бешено колотилось, но внутри воцарилась странная пустота, как перед грозой. Она потянула за щеколду. На пороге, залитый мраком наступающей ночи, стоял предводитель всадников. Его капюшон был сдвинут, и лунный свет выхватил из тьмы худое, аскетичное лицо с тонкими губами и мёртвыми, как у рыбы, глазами.

– Девочка, – произнёс он без всякого предисловия. Его голос был скрипучим, как труха. – Мы ищем одну... вещь. Ты поможешь нам её найти. Он протянул руку. На его ладони лежал тот самый старый медальон Лалы. Он был сломан пополам. Маша почувствовала, как земля уходит из-под ног. Это был не просто вопрос. Это была ловушка. И она уже захлопнулась.

Воздух в сенях застыл, стал густым и тяжёлым, как сироп. Маша, не отрываясь, смотрела на сломанный медальон. В ушах у неё стоял не звон, а отчаянный, беззвучный крик – тот самый, что она слышала в своём видении. Она знала: Лала мертва. И её смерть была предупреждением. – Я... я не знаю, что это, – прошептала она, заставляя себя отвести взгляд от зловещего трофея в руке незнакомца. – Неправда, – парировал он, и его тонкие губы растянулись в подобие улыбки.

– Ты знаешь. Она тебе его отдала. Она умерла, чтобы ты жила. Глупая жертва. Мы всё равно нашли тебя. Из-за спины Маши раздался рёв. Алексей, забыв про страх, рванулся вперёд, отталкивая дочь в сторону, к Марфе. – Пошёл вон из моего дома! – закричал он, сжимая кулаки. – Слышишь! Убирайся!

Всадник даже не пошевелился. Его мёртвые глаза медленно перевели взгляд с Маши на Алексея.

– Старик, ты вмешиваешься в дела, которые тебя не касаются. Она не твоя кровь. Отдай её, и твой дом останется в покое. – Она моя дочь! – взревел Алексей. В его глазах бушевала смесь ярости и отчаяния. – Дочь? – всадник фыркнул. – Она – вещь. Ошибка, которую нужно исправить. Последняя искра, которую нужно затоптать. Он сделал шаг вперёд, переступая порог. Алексей отступил на шаг, но не ушёл с дороги. Марфа, рыдая, прижала Машу к себе, пытаясь заслонить её собой. – Не трогай их! – прорычал Алексей. – Я не собираюсь, – холодно ответил всадник. – Мне нужна только девочка. Его рука в кожаной перчатке молниеносно метнулась вперёд, чтобы схватить Машу. Но Алексей, движимый инстинктом защитника, бросился на него, сбивая с ног.

На мгновение в сенях воцарился хаос. Марфа оттащила Машу в угол, прикрывая её своим телом. Алексей и незнакомец, грузно рухнув на пол, боролись в тесном пространстве. Старый дровосек был силён, но всадник двигался с змеиной ловкостью. Раздался глухой удар, и Алексей застонал, отпустив его. Всадник поднялся, отряхнулся.

Его лицо оставалось невозмутимым. Он снова посмотрел на Машу. – Идём. Не заставляй меня причинять им боль. Маша стояла, прижавшись к Марфе. Весь её мир сузился до этого темного коридора, до хрипа Алексея на полу, до запаха страха и пыли. Но внутри неё, сквозь страх, пробивалось что-то иное. Холодная, как сталь, ярость. Эти люди убили её родителей. Убили Лалу. Теперь они пришли за ней и грозили её приёмной семье. Она выскользнула из объятий Марфы и сделала шаг вперёд. Её глаза, казалось, вспыхнули в полумраке.

– Тронешь их – и ты никогда не получишь то, что хочешь, – сказала она, и её голос прозвучал так, словно в нём говорили десятки чужих голосов сразу. В нём были отзвуки ветра над степью, треск костра и шепот древних молитв. Всадник впервые за всё время выглядел удивлённым. Он замер, изучая её. – Так... Она уже говорит с тобой, – прошептал он с каким-то болезненным любопытством. – Наследие просыпается. Интересно. – Уйди, – приказала Маша, чувствуя, как неведомая сила пульсирует в её жилах. Она не знала, что это, но могла ощущать её – тёплую и громадную, как спящий вулкан. Внезапно снаружи, со стороны деревни, раздался пронзительный свист. Затем второй, третий. Сигнал. Всадник нахмурился. Его спокойствие наконец поколебалось. Он бросил на Машу долгий, испепеляющий взгляд.

– Это не конец, девочка. Мы вернёмся. Ты не сможешь прятаться вечно. Он резко развернулся и вышел из дома, растворившись в ночи так же бесшумно, как и появился. Маша стояла, дрожа, пока снаружи не стих стук копыт, удалявшихся галопом. Потом она бросилась к Алексею. Он сидел, прислонившись к стене, и держался за бок. Из разбитой губы текла кровь.

– Папа... – Ничего, дочка, – хрипло проговорил он, глядя на неё совсем другими глазами – в которых теперь был не страх, а гордость и боль. – Ничего... Отобьёмся...

Марфа, плача, принесла воды и тряпку. Они помогли Алексею добраться до лавки. В избе воцарилась зыбкая, хрупкая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием Алексея. Угроза отступила, но не исчезла. Она витала в воздухе, как запах гари после пожара. Маша подошла к окну и отодвинула ставень.

Древняя спала, ничего не зная. Но она-то знала. Бежать было некуда. Оставалось только одно – встретить свою судьбу лицом к лицу. Она сжала в кулаке воображаемый медальон, чувствуя, как древняя сила её рода, наконец, полностью проснулась в ней, готовая к бою. Она больше не была Машей Орловой. Она была Зарой. И она была готова постоять за себя и за тех, кого любила.

ДОРОГА В ТУМАН

Три дня в доме Орловых царила гробовая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием Алексея. Сломанное ребро и ушибы заживали медленно, но боль в его глазах утихала быстрее. Страх перед неведомым сменился яростной, почти звериной решимостью защитить свою семью. Их семью – теперь он понимал это окончательно.

На четвертый день, когда Марфа меняла ему повязку, он неожиданно взял её за руку. – Собирай узелки, Марфа. Ночью уходим. Марфа замерла с мокрой тряпкой в руке. – Куда? Алексей, да он нас везде найдёт! – В Питер, – твёрдо сказал Алексей. – В столицу. Там людей – как звёзд на небе. Затеряемся. В такой толще иголку не сыщешь.

Он повернулся к Маше, которая молча сидела на лавке, уставившись в стену. Её взгляд был отрешенным – она снова была где-то далеко, в мире видений. – Слышишь, дочка? Увезём тебя. Спрячем. Маша медленно перевела на него взгляд. В её тёмных глазах плескалась целая буря. – Они везде найдут. Они идут по следу... не по земле, а по... – она ткнула пальцем себе в висок. – По этому. – А мы этот след запутаем! – с жаром проговорил Алексей. – В городе шум, грохот, чужие мысли, чужие жизни! Может, там твой... дар... и не так виден будет. В его словах была своя, мужицкая логика.

Большой город представлялся ему не просто скоплением людей, а живым, шумным чудовищем, которое может поглотить и скрыть любую тайну. Марфа, всегда полагавшаяся на мужа, впервые заколебалась. – Алексей... Денег? А жить как? – Деньги есть, – он кивнул в сторону закопчённой матицы, где хранился их небогатый запас. – Хватит доехать и первое время продержаться. Я силён ещё, работу найду. Столяром, грузчиком – не важно. А ты... ты швей. У тебя руки золотые.

Решение было принято. В ту же ночь, не зажигая огня, они начали собираться. Немного одежды, краюха хлеба, горсть соли, завёрнутая в тряпицу, и все их скромные сбережения. Алексей достал из тайника старый, пожелтевший паспорт – свою гордость, полученную ещё после отмены крепостного права. Для Марфы и Маши таких документов не было, но Алексей надеялся, что в суматохе большого города на это не посмотрят.

Перед рассветом они вышли из избы. Алексей, преодолевая боль, нёс самый тяжёлый узел. Марфа, всхлипывая, обернулась посмотреть на свой дом, на огород, на покосившийся забор. Она просталась не с местом, а с целой жизнью.

Маша стояла неподвижно, глядя на тёмный лес. Она чувствовала его. Того всадника. Он был далеко, но его внимание, холодное и пристальное, будто игла компаса, медленно поворачивалось в их сторону. Они уходили вовремя.

– Идём, – тихо сказала она, поворачиваясь к приёмным родителям. – Он близко. Её слова заставили их вздрогнуть и придали новые силы. Они быстро зашагали прочь от деревни, не по большой дороге, а по проселочным тропам, известным только Алексею. Их путь лежал к дальнему хутору, откуда раз в неделю ходил обоз в уездный город.

Дорога была трудной. Алексей кряхтел и часто останавливался, чтобы перевести дух. Марфа поддерживала его. Маша шла впереди, её юный, острый слух улавливал каждый шорох, а внутреннее зрение пыталось пронзить утренний туман в поисках опасности. Через несколько часов они вышли на опушку. Внизу, у реки, виднелись огоньки того самого хутора.

– Обождите тут, – прошептал Алексей. – Я разузнаю про обоз. Он ушёл, скрывшись в предрассветной мгле. Марфа и Маша присели под раскидистой елью. Марфа пыталась молиться, но слова путались. Маша же закрыла глаза, и перед ней поплыли образы. Огни. Мириады огней, отражающихся в чёрной воде. Высокие дома, похожие на каменные утёсы. Грохот колёс по булыжнику. И запах... Запах дыма, угля и чужих духов. Это был Санкт-Петербург. Он ждал её. Город-исполин, город-лабиринт. И тут же, за этим образом, возник другой.

Тот самый всадник. Он стоял на краю сожжённого табора, и в его руке догорал клочок яркой ткани – часть платья Лалы. Он поднял голову, и его мёртвые глаза уставились прямо на Машу, будто видя её через сотни вёрст.

– Ты не убежишь, – прошептали его беззвучные уста. – Мы везде найдём тебя. Маша резко открыла глаза и глубже вжалась в тень ели. Она не сказала Марфе о своём видении. Не стала сеять лишний страх. Вскоре вернулся Алексей. Его лицо было озабоченным. – Обоз сегодня. Но говорят, в уезде появились какие-то люди, расспрашивают о беглых. Нам надо в тайне пробираться, сесть уже на выезде. Их бегство превращалось в погоню, где они были и охотниками за спасением, и дичью одновременно. Когда солнце поднялось выше, они, прячась в кустах, увидели обоз – несколько телег, гружённых мешками с мукой.

По сигналу Алексея они выскочили на дорогу и буквально вскарабкались на последнюю телегу, зарывшись под брезент. Телега тронулась. Деревня, их прошлая жизнь, осталась позади. Впереди был долгий путь, полный опасностей, и туманный, незнакомый город на болотах. Маша, прижавшись к трясущемуся кузову, смотрела в узкую щель между брезентом. Лес сменялся полями, поля – перелесками. Она чувствовала, как с каждым оборотом колеса связь с тем, старым миром, слабеет. Но связь с охотниками – нет. Она была тоньше и прочнее. Она была связью крови и дара.

Санкт-Петербург манил их своим шумом и анонимностью. Но Маша знала: в каменных джунглях её ждут не только убежище, но и новые, неизведанные опасности. Её дар, её наследие, не умолкнет. Оно эхом отзовется в граните набережных и в водах мутных каналов.

ГОД В КАМЕННЫХ ДЖУНГЛЯХ

Санкт-Петербург встретил их оглушительным грохотом, удушливым запахом угольного дыма и человеческим морем, в котором тонули надежды и судьбы. Первые недели были временем выживания, грубым и беспощадным. Деньги, казавшиеся деревне спасением, таяли на глазах. Они сняли не комнату, а угол в подвале доходного дома на окраине, в районе, где запах невской воды смешивался с вонью отхожих мест и дешёвого табака. Их соседями были такие же беглые, обнищавшие мастеровые и вечно пьяные грузчики.

Алексей, несмотря на боль в боку, устроился грузчиком на пристань. Работа была каторжной, платили гроши, но он молчал и терпел, принося домой заветные монеты. Марфа, чьи «золотые руки» в деревне шили всю округу, в столице оказалась одной из тысяч таких же швей. Она брала работу на дом – штопала грубые брюки и рваные мундиры солдат, ее глаза быстро слабели при свете сальной свечи. Для Маши этот год стал временем великого заточения и великого пробуждения.

Осень. Притирка и Тень.

Алексей, опасаясь всего на свете, запретил ей выходить из подвала без крайней нужды. Её миром стали сырые, покрытые плесенью стены, скрипучие нары да узкая полоска грязного неба в оконце у потолка. Первые месяцы она жила в постоянном страхе, что каждый скрип шагов на лестнице – это чардони. Её дар, обострённый страхом, мучил её: она чувствовала боль Алексея, слышала отчаянные молитвы Марфы и улавливала эхо тысяч чужих жизней, что кипели за стенами их убежища. Она научилась читать. По вечерам Марфа, вспомнив грамоту, выученную ещё у дьячка, разбирала с ней выброшенные кем-то газеты. Буквы складывались в слова, слова – в истории о другом, большом мире, который был так близок и так недостижим.

Зима. Холод и Видения.

Петербургская зима впиалась в город ледяными клыками. Холод пробирался в подвал, заставляя их спать вповалку, согревая друг друга. Денег на дрова не было. Алексей серьёзно простудился, но на больницу не было ни гроша. Он лежал в лихорадке, и Маша, сидя у его изголовья, клала ему на лоб руки. Она не знала заговоров, но чувствовала, как из неё самого течёт тёплая, успокаивающая сила. Лихорадка отступила через день. Алексей поправился, но с тех пор смотрел на приёмную дочь с новым, непонятным ему самому чувством – не страха, а благоговейного трепета. Именно зимой её видения стали приходить через воду. Когда Марфа приносила из колонки ведро мутной невской воды, Маша, заглядывая в него, видела не своё отражение. Она видела заснеженные степи, мчащиеся сани и высокую женщину в дорогих мехах с лицом, как у той, из её видений – Златы, но молодой и полной силы. Женщина смотрела на неё с тоской и надеждой, словно пытаясь что-то сказать.

Весна. Первый Шаг.

С наступлением оттепели давление страха немного ослабло. Чардони не объявлялись. Однажды Марфа, обессиленная голодом и работой, не смогла встать. Продукты кончились, а до полочки Алексея оставалось три дня. И Маша совершила немыслимое. Дождавшись, когда Алексей уйдёт на работу, она накинула старенький платок Марфы и выскользнула на улицу. Город оглушил её. Экипажи, крики разносчиков, звонки конок, гомон толпы. Она шла, прижимаясь к стенам, чувствуя себя букашкой на дне гигантского котла. Её ноги сами понесли её к Гостиному двору. И тут её дар сработал по-новому. Она не видела образов, а чувствовала... намерения. Она видела, как карманник следит за купцом, как торговец обвешивает растерянную барышню. А потом её взгляд упал на пожилую, богато одетую даму, которая с беспокойством ощупывала свою ридикюль. Маша подошла к ней. – Сударыня, – прошептала она. – Вам сегодня не стоит садиться в зелёный экипаж. Дама удивлённо посмотрела на оборванную девочку с горящими глазами. – Что? Почему? – Просто не стоит, – упрямо повторила Маша.

Она не знала, почему сказала это. Просто была в этом уверена. Дама пожала плечами и ушла. Через час, возвращаясь с пустыми руками, Маша увидела ту самую даму на углу. Рядом с ней стоял зелёный экипаж, из которого выходил взволнованный кучер – у кареты сломалось колесо. Дама, увидев Машу, замерла с широко раскрытыми глазами, потом сунула руку в муфту и протянула ей монету. – На, дитя... Спасибо. Этот рубль спас их от голода. И дал Маше первую крупицу уверенности.

Лето. Находка и Утрата.

Лето в каменном городе было душным и зловонным. Но для их семьи настала пора относительной стабильности. Алексей, зарекомендовавший себя как работяга, стал получать немного больше. Марфа нашла постоянную заказчицу – вдову отставного офицера, которая платила исправно. Маша, пользуясь относительной свободой, стала изучать город. Она обожала Летний сад. Сидя на скамейке, она закрывала глаза и слушала. Шёпот листвы рассказывал ей истории двухсотлетней давности, а смех детей на аллеях отдавался в её сердце радостным эхом. Здесь, среди зелени, её дар успокаивался, становится не проклятием, а просто частью себя. Именно в Летнем саду она нашла свою первую настоящую подругу. Вернее, подруга нашла её. К ней на скамейку под села худая, веснушчатая девочка с корзинкой цветов. – Продаю ландыши, – деловито сказала она. – Тебе не надо? А почему ты всегда одна?

Её звали Катя, она была дочерью прачки и жила такими же тяготами. Но в отличие от Маши, она была дерзкой, болтливой и не боялась города. Она научила Машу многому – как торговаться с торговками, как прятаться от дворников, где собирать яблоки, падающие через заборы чужих усадеб. С Катей Маша впервые почувствовала себя просто ребёнком. Они смеялись, бегали по аллеям, делились мечтами. Катя мечтала выучиться на акушерку, а Маша... Маша молчала о своих мечтах. Её мечтой было просто жить, не прячась.

Однажды, гуляя с Катей у Екатерининского канала, Маша внезапно почувствовала знакомый, леденящий холод в груди. Она остановилась как вкопанная. На другом берегу, у Михайловского замка, стояла высокая, худая фигура в тёмном плаще. Он не смотрел в её сторону, он просто стоял, повернувшись лицом к их дому, словно нюхал воздух. Охотник был в городе. Маша схватила Катю за руку и потащила прочь. – Что с тобой? – удивлялась та. – Ничего! Просто... пора домой.

С этого дня её страх вернулся. Она снова стала реже выходить, а на улице постоянно оглядывалась. Безмятежное лето закончилось. Итог года. Год в Санкт-Петербурге не сломал их, а закалил. Алексей стал молчаливее и суровее, но в его отношении к Маше исчезли последние следы сомнения. Марфа, несмотря на все тяготы, сохранила доброту, но в её глазах поселилась постоянная усталая тревога. А Маша... Она выросла. Её детская хрупкость сменилась тонкой, упругой силой. Она научилась жить с своим даром, не подчиняясь ему целиком, а управляя им, как дикой лошастью. Она научилась прятать свои видения, гасить свои чувства в шуме города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.